

Письма А.Е. Снесарева и его близких периода 1917–1919 годов.

Письма А.Е. Снесарева

Письмо 4/17–V. [Москва, 1918 г.]

Дорогая моя жenuшка!

Продолжаю сидеть в Москве, занятый формированием штаба. Вчера случайно встретил Ал. Н. Голицынского, который часа через 2 зашел ко мне, и мы с ним наболтались вволю. У него протекли обстоятельства сложно: был он и под угрозой штыка или приклада, посидел в Бутырке с неделю... Все это было плодом недоразумений, очень возможных в нервные дни революции – и сам Ал. Ник. говорит о пережитом с улыбкой, но в свое время было тяжело, да есть и результат в форме маленькой мании преследования. Ал. Ник. по вечерам никуда не выходит и от меня спешил уйти засветло. «Я, конечно, могу себя пересилить, – говорит он по этому поводу, – но все-таки в темноте мне трудно прогнать пережитое – занесенный над головой приклад или направленный в спину штык». Из екатеринославцев указал мне на живого еще Грудзино (мой ротный командир), Прибыля; Невский – в плену, Ив. Вас. – на Кавказе. Наш полковой прибор удалось сберечь, и я надеюсь найти мои вилку, ложку и ножик.

Формирование мое идет быстрее, но завтра выехать не придется, так как не готовы печати, утверждения должностных лиц и т.п. Да и с Юга вести какого-то смутного характера, указывающие на тревожное положение Царицына, нашего первичного местопребывания...

Я тебе забыл написать про Лилу: у нее вырезали много на грудной клетке и груди подмышкой и боку, и теперь она живет, поправленная, в Филонове; у нее несомненный рак, и долго ли она проживет после операции, никто не говорит. Жила она здесь с Сережей до операции у Каи, обедать ходила к Симе...

Папе разрешение выслал, но, кроме того, вчера просил одного члена железн. управления, едущего в Петроград, пособить лично и своим влиянием старикам при переезде. Член согласился и записал адрес, но выполнит ли свое обещание, не знаю... сомневаюсь. От Ив. Конст. Серебренникова получил письмо, в котором он просит взять себя. Оказывается, у него (как и у других офицеров Ген. Штаба) неладит с военным руководителем... нашли, когда ссориться! Свою семью он год тому назад поместил в Сочи и почти с тех пор не имеет о них ни слуху, ни духу, а денег оставил им мало. Это его несказанно удручает. Война для него сложилась, видимо, очень неудачно и он сильно отстал.

Мое самочувствие – среднее, хотя Настя (кухарка Каи) подчеркивает мою постоянную веселость... Некого ни ущипнуть, ни потискать, нет глаз, устремленных не то с мольбой, не то с горьким недоумением.

Давай, моя славная, себя и всех пятерых, я вас обниму, расцелую и благословлю.

Ваш отец и муж Андрей.

Целуй Алешу, Нюню, мальчиков.

А.

2/15–V. [Москва, 1918 г.]

Дорогая моя жenuшка!

Ха хлопотами пишу тебе много реже, чем обещал: я здесь уже 12 дней, а это лишь 3-е письмо, да четвертая открытка; кроме того, послал тебе три телеграммы. Я тебе уже писал, чем я занят; офицерами Ген. штаба у меня будут (кроме Носовича) – Серебренников (Ив.

Конст., который был в Туркестане... на 4 года службы старше меня), Ковалевский (муж Мули... она с 4 детьми в Валуях), Петров, Акутин (найден и послана ему телеграмма), Шишковский и многие другие. Выедем в Царицын, где будем иметь временное пребывание (после в Ставрополь – постоянную резиденцию). В моем распоряжении будет находиться постоянный поезд для служебных поездок. Буду ехать мимо Лили и побываю у ней, чтобы осмотреть обстановку и оговорить дела на случай твоего переезда туда. Это будет иметь, кроме других выгод, как, например, большее удаление от немцев, еще и тот расчет, что от меня вы будете в расстоянии 250–300 верст, то есть 6–8 часах переезда, и мне будет возможно чаще к вам навещаться.

Как только я осмотрюсь в Царицыне, то скоро же приеду в Валуики с Ковалевским; буду у тебя в передний проезд и в задний. Если будет решено, и имеется смысл, то и заберу тебя в Филоново. Ты все это пока на досуге обдумай хорошенько. Я и сам думаю обо всем этом пока с высоты птичьего полета...

Бегать мне приходится без конца, и к вечеру я ложусь валом. Обстановка кругом сложная и напряженная, ходит масса слухов, из-под полы говорят много и ужасного, и глупого, а пока что Бог миловал – ходим, ездим, едим, спим. Видимо, все же нарастает мрачное и недовольное настроение, а с таковым нарастут и события. Два факта – легкость переворота (по существу монархического) на Украине и довольно быстрое продвижение Семенова в Вост. Сибири (им взята уже Чита) заставляют тревожиться одних и проникаться надеждами других. Сейчас прочитал, что кадетами взята Усть-Медведицкая станица и создается угроза Царицыну... Последнее, конечно, выдумка плохого географа (до Царицына 200–300 верст), но обстановка сложная.

Папе сегодня переслал разрешение, уговариваю их выезжать, захватив Меллинсфуд для малышей... Вложил твое письмо.

Про свое настроение не похваюсь. Слишком кругом все сложно, и кто узнал, кто не узнал [нрзб.] – сказать так трудно.

По вечерам (ложусь в 9–10) говорю с Настей и смеюсь только тогда, когда касаюсь темы о малышах Юрке-Шурке. Сейчас у меня целое собрание – Носов[ич], интендант, один из секретарей – и мы приступаем к работе.

Давай, моя славная, твои губки и глазки, а также пятерку, я вас всех обниму, расцелую и благословлю.

Ваш отец и муж Андрей.

Как читает моя дочурка? Иногда скучаю по ней: никто не сидит у меня на коленях и не читает, водя пальчиком по словам. Посылаю Гене случайно найденную марку. Как он провел время в Репьевке? Когда это ты мне об этом напишешь?

Целую. Ан.

[Выписка из письма к жене от 30 мая 1918 г. (адрес Андрея Евгеньевича, Набережная, д.1)].

«... Работы сейчас невероятно, особенно организационной... прием теплый и доверчивый, очевидно, мысль, что без техников обойтись трудно, овладела массой и заставила ее проверить многие из своих теоретических доводов... Да и беда в виде окончательно обнаглевшего немца властно стучится в двери... Пришлось вновь заораторствовать, чтобы если не убедить окончательно, то хотя бы подогреть и укрепить начинающееся доверие. Первая моя речь 27-го была полна осторожности и нащупывания, но уже на другой день в двух-трех местах я позволил себе погорячиться и поукорять... Но это не важно, а важно то, что мы встали на деловую почву... налицо люди, которые хотят искренно работать и хотят войти в хитрый механизм этой самой работы. Нам сговориться тем легче,

что на фронте к северу отсюда все отряды и банды, несомненно, инспирированы немцами... Сфера моего руководства, вероятно, будет расширена присоединением восточного побережья Каспийского моря (с Баку) и Астраханской губернии, где в первом разошлись турки и целят, будто бы оторвать у нас наше чудо мира – Бакинский район»...

Письмо без начала.

Женушка, есть еще время поболтать. У Лили я снял все свое белье и надел Панино, обменял платки и полотенце, вытерся, побрился... Я теперь страшно грязен, все делаю сам (больше некому), бреюсь раз в 4-5 дней... Вообще распустился и когда войду хотя в малую норму, того и сам не знаю... И это после твоих лапок, которые мне забинтовывали ноги. Конечно, ко всему привыкаешь, но, несомненно, необходимость самому делать все мелочи в связи с непрерывной большой работой изнуряет организм, и я смахиваю на почерневшего (от пыли и грязи) схимника. Настроение мое ругать не могу, оно ровнее и лучше, чем прежде: выясняется к выгоде платформа, удастся устранить трения, но, повторяю, работа слишком давит своей массой и 24 часов не хватает. К тому же, все изнервничались, измучались и всё норовят, чтобы всюду я распорядился лично... Приходится, конечно, им отказывать, попутно стараясь выяснить положение. Москва мне опротивела – она грязная и жалкая – и я рад, что из нее уехал, но зато попал здесь в настоящий котел страстей и положений, и вот, киплю.

У меня остались только две пары белья, так как одной пары так и не удалось вытянуть от прачки, хотя Настя ходила подряд несколько дней...

Меня начинает тревожить, хватит ли тебе денег; если мне не удастся выехать, то я пошлю кого-либо с деньгами и за моими вещами, так как в этом, что есть, я не прощоголяю. Не знаю, клала ли ты мне одеяло. Если да, то я или потерял его, или забыл в Москве. Во всяком случае, эту неделю я покрывался шинелью, а если было слишком холодно, то прибавлял накидку... Спартанец, да и только, только спартанец вынужденный...

Как-то у вас? И когда, наконец, я получу от тебя письмо; я истосковался по вас из-за этого неведения. Мальчики, вероятно, уже поели Меннельсфуд [Меллинзфуд], а больше у тебя нету... Как ты обходишься? При незнании все волнует, может быть, и такое, что легко избегнуто или поправлено.

Боюсь, как бы после Тихорецкой не пришлось сначала махнуть в Астрахань... Больно оттуда шлют разные послания. Буду пробовать сначала завернуть к тебе.

Пишу, а нет-нет – обернусь на Волгу, но... она не особенно весела: пароходов немало, да и публика на них небогата, но даль, красота, зеленый низкий берег по ту сторону..., все как было давно-давно.

Целую крепко.
Твой А.

[Примечания рукой Е.А. Снесаревой:

По-видимому, одно из ранних писем из Царицына.

Меллинзфуд – Mellin's food – детское питание, которое давали Сюсе и Дуйке.]

Письмо 22/9–VI. Царицын. [1918 г.]

Дорогая моя женушка!

Это мое 4-е письмо, но очень боюсь, что получишь ты их не скоро, так как сейчас я от тебя отрезан. Дорога Грязе-Царицынская еще не восстановлена, а по Волге почтовые пароходы сейчас не ходят или они отрезаны. Но к этому мы с тобою (я от тебя ничего не имею) силою вещей приучены; хуже то, что от тебя я отрезан телеграфным образом; даже для строго спешных казенных телеграмм мы должны пользоваться кружными дорогами. Причина

этого мне самому не ясно. Здесь я с утра 18-го, то есть, вот уже 5 дней; жара стоит большая, работы неисчислимо количество. На работе с 10 до 5 (фактически), но и после обеда приходится то идти в штаб, то на прямой провод, то на заседание... Голова идет кругом, но за всем тем, потихоньку и постепенно вносится система, порядок, становится картина яснее и яснее.

Отношение к нам хорошее и доверчивое. Довольно сказать тебе, что 19-го я затесался на чрезвычайное заседание, или, проще говоря, крупнейший митинг из многих сотен человек, и твоему супругу пришлось говорить. Меня выслушали внимательно; когда я сказал, что отвечу не под партийным углом («в чем и сам не разбираюсь»), а с деловой точки зрения как военный специалист, то меня поддержали возгласами: «Просим, пожалуйста, именно...» Сегодня в местной газете была передача моих слов – корректная, удачная и красиво изложенная... Но интересно было страшно – душно, шумно, приподнято; говорил ряд ораторов, часто страстных, бьющих себя в грудь; говорила какая-то ораторша... Я весь был внимание и по сию пору не изжил вдавленных в меня впечатлений. Сегодня, придя со службы, нарядился в белый костюм, а вчера к тому же взял ванну, и чувствую себя свежо и чисто. Сейчас жар падает, в окно мое смотрится на меня широкая Волга, и пишу я женке с настроением ровным и уютным... Бьет 8 часов.

Узнал, что Мих. Афанасьевич здесь, но когда соберусь навестить его, не знаю. Твой дневник нет-нет да и вспоминаю, особенно, некоторые его строки трогательно-грустные, и думается мне иногда, что ты или слепа, или слишком опаслива, раз до сих пор еще не уверена, что я люблю тебя больше всего на свете, и что нет ничего на нем дороже тебя... Что-то еще хотел написать, да никак не вспомню... Удивительно, всем нужна Грязе-Цар[ицынская] ж. дорога: и России, чтобы она не умерла с голоду, и мне, чтобы я вновь обрел связь с тобой...

Давай, моя ненаглядная, твои глазки и губки, а также нашу пятерку, я вас всех обниму, расцелую и благословлю.

Ваш отец и муж Андрей.

Целуй Алешу, Нюню и мальчиков.

Письмо 5/18–VI. Царицын [1918 г.].

Дорогая моя женка,

сегодня на заре, наконец, добился до своего места, сначала соснул, а потом был на занятиях (у нас теперь от 10 до 4), а теперь сижу дома и строчу тебе письмецо. С дороги послал тебе две открытки: из Балашова и Камышина... Мое путешествие было причудливо. Доехал от тебя до Лисок, думая поговорить здесь и следовать далее на Поворино, но получил просьбу завернуть в Воронеж. Заворачиваю к вечеру, участвую в совещании, забегая к Вере на пять (буквально) минут и качу на вокзал. Вера меня провожает с трепетом, так как «в 11 часов ожидаются в Воронеже волнения, а на вокзале сейчас что-то страшное». Мы смеемся ей в ответ, и катим.

В Лисках нас должны были отцепить, но произошла ошибка, и мы катим до Острогжска, куда прибываем в момент восхода солнца. Я люблюсь городом, смотрю на Богоявленскую церковь и соображаю место домика, где живут мои. Скоро находится паровоз, и мы катим назад, на Лиски... Отсюда нам дают хороший паровоз, и мы [нрзб.]...ственным пространством. В Поворино мне говорят о только что промелькнувшей панике, потом, что Алексиково свободно, а около Урюпина идет бой. Еду на Алексиково, натываюсь на 7 эшелонов и стою в поле более семи часов. Вижу, что прямо мне на Царицын не пробиться, почему [нрзб.] до разъезда, а затем возвращаюсь на Поворино. Здесь окончательно выясняется невозможность прямого проезда, и поворачиваю на Балашов (см. карту), чтобы

далее ехать на Камышин. В Балашове торчу немало часов, так как это не мой округ, и железное начальство никак не может решить вопроса, дать ли мне экстренный поезд или нет. В конце концов оно соображает, что это надо, дает мне сильный паровоз, и я 251 версту прокатываю в 6 часов по чисто степным равнинам. В Камышине тормозится дело с пароходом; я ночую в вагоне и только 4/17 к 7 часам вечера на плохом пароходишке Актюбинского общества «Антонине» я покидаю Камышин при божественно тихой погоде. Я люблюсь Волгой, уютными здесь берегами и чувствую, что отдыхаю. Еще в Камышине, вне своего буйного округа, я начал отходить, теперь я продолжаю этот процесс более сильным темпом... Мы с Ковалевским, его секретарем и маленькой дочкой (хороший слух) поем песни; и даже «Муля» (это за глаза, а в глаза, конечно, Людмила Николаевна) что-то мурлычет под нос.

Обедали все вместе (с нами и матросы), ели прекрасную солянку из севрюги... За 10 дней путешествия я истратил 36 руб., да и то в этот день мне еда на пароходе стоила 14 руб. (заплатил за 2 добавочных порции солянки 6 рублей, да своя – 3, да тушеное мясо 5 рублей). Все, что ты мне дала, ел 14–16/VI, и все было страшно вкусно. Остался теперь только сахар в жестяночке.

С Мулей раза 3–4 говорили по душам; она устала, прижата жизнью и насущными заботами, в ней женщина исчезла окончательно, выдвленная типом матери и жены. О прошлом она вспоминает с каким-то усталым оживлением, как о чем-то страшно далеком и лучезарно-розовом. Своего Шуру она держит прочно, пилить его начала при мне чуть ли не через 2 часа... В их отношениях много схожего с нашими, только у Шуры больше скользящего равнодушия, а у Мули более грубая и подчас материально выявленная дирижерская лапка. Главное, они бедны, у них никаких сбережений, а теперь еще опасность потерять весь свой гардероб, который где-то волочится сзади по дорогам. Муле уже пришлось самой и стряпать, и мыть полы, а обшивает и обувает себя и детей она давно уже сама... И все-таки, рассуждая о своей судьбе, она находит ее хорошей и без конца лучше судеб трех своих сестер, а особенно Лидии (37-летней девы, которая все учится) и Маруси, вышедшей за форменного негодяя, почти ее бросившего... «Вы поймете, – заканчивает Муля, – что прошлое там, в Скобелеве всех нас так хорошо, что его больно вспоминать». Мы говорим с нею и о тебе; она находит, что ты высматриваешь молодцом и бодря, но «судя по рукопожатию», вероятно, нервна порядком. Бутузы наши ее очень заинтересовали, а особенно твой подвиг их рождения. Дети их очень разбалованы, что я и понимаю. Так как мать заменяла им и отца, и бонну, и няню; привыкли и заболтались.

О тебе думаю много, и одно лишь мне неясно, как могла ты меня обидеть, подумав, что я не писал тебе, да еще по злобе... Буду завтра тебе телеграфировать и упомяну, что пишу тебе регулярно через день. Я мог многое сделать, но мстить тебе неписанием – это не мое, не моя натура, не мое понимание вещей сего мира...

Мои бутузы стоят перед моими глазами как живые, и я всем говорю про них с особым оживлением. Как я рад, что нашел их такими молодцами. Здесь по-прежнему масса работы, и я закипаю, как в котле. Постепенно забираем в рамки организации разболтанные части механизма; что нам это стоит, можно видеть на крикливом и нервном лице Носовича... Но хорошо, что занятия в 4 кончают, а остальное время мое... Не всегда, но все-таки. Сегодня был у меня француз, и мы с ним проболтали с полчаса.

Давай, моя золотая женка, твои губки и глазки, а также пятерку (дочку подкармливай), я вас всех обниму, расцелую и благословлю.

Ваш отец и муж
Андрей.

24–VI /7–VII. Царицын. [1918 г.]

Дорогая моя женушка!

Сегодня получил твою телеграмму от 2-VII: «Вестей нет когда приедешь старит (старики?) прибыла (прибыли?)». Утром же сегодня получил твою открытку № 3 11 июня (24 июня), по которой все благополучно: малыши с оспой, загорели и т.п. На эту телеграмму и открытку я послал сегодня телеграмму: «Твои две телеграммы, открытку 3 получил пишу регулярно здоров целую». Первая телеграмма, полученная мною 14/27–VI была твоя, посланная 13/26–VI со словами: «Здоровы целуем старики выехали». Отсюда ты видишь, что от тебя я имею три вести – две телеграммы и одну открытку, что за три недели по нашим временам сносно. Я со своей стороны послал тебе три телеграммы и до 7–8 писем, но, по-видимому, кроме двух открыток из Балашова и Камышина – ты ничего не получила. 14/27–VI я командировал к тебе Мих. Мих. Старикова, которому поручил передать тебе 700 рублей и письмо, но, как вчера случайно узнал, мое письмо с другими он второпях забыл здесь. Это очень досадно, но лишь бы только он до тебя доехал, – он тебе расскажет подробно, как мы живем и что делаем. Это письмо будет опущено тебе в Камышине (или Балашове), чтобы оно вернее тебя достигло; оттуда же тебе пошлют телеграмму. Дело в том, что дорога Поворино-Царицын только на днях стала функционировать, а другим путем телеграммы не принимались, а письма (за отсутствием почтовых пароходов) не шли... Политическая обстановка очень сложна, и я, создающий ее по газетам, едва ли скажу тебе что-то новое. У нас тихо, и ты разным басням – что будто бы казаки в 15 верстах от Царицына, или что он захвачен – не верь. Все дело в жел[езных] дорогах, на которых происходит непрерывная возня, мешающая провозу хлеба в голодающие губернии... Из-за нее же я все никак не могу выехать в Баку, куда собираюсь чуть ли не [вырвано] недели. И это очень прис[корбно], так как в Закавказье нав... [вырвано] грозные обстоятельства. Мое настроение – среднее, но ближе к спокойному: работы очень много и пробуешь сделать что-либо доброе, но много трений, условностей, препон. Прежнее недоверие к нам, по-видимому, совершенно исчезло и спряталось где-то внизу в тайниках совершенно темного люда, но все же во многих отношениях мы остаемся чужими людьми, которые не понимают других и не понимаемы этими другими. При нашей интеллигентности и искреннем желании помочь, мы многие из трений удаляем легко, но [вырвано] это идет большой все же [вырвано] ...ховного напряжения и 2) [вырвано] ...е души всегда остается...

[Примечания рукой Евгении Андреевны:

На этом письмо обрывается. По-видимому, был лист с 5,6,7 и 8 стр.

Это период разногласия со Сталиным и Ворошиловым по вопросам приказов № 10 и №11.]

Письмо 13/26 сентября. Калуга. [1918 г.]

Дорогая женушка,

Позавчера мы прибыли в Калугу, где я останусь одну-две недели. Живу я пока в вагоне, а потом мне обещали найти в городе комнатку. Мое помещение (только что нашли чернила) очень хорошо – купе большое – сажень в квадрате, рядом комнатка с умывальником и уборной; имеется маленький столик. Все эти дни проходят незаметно, так дело новое и в него надо войти. Мой комиссар – человек интеллигентный, живой и талантливый, а, главное, добрый, и у нас с ним дела, надеюсь, пойдут хорошо. Из своих прежних сослуживцев видел Ковалевского (которого, может быть, удастся взять к себе); **Чебышева и Тарасенкова**. О них рассказали мне много дурного и, пожалуй, даже ужасного о жизни после моего отъезда, и я принял некоторые шаги к облегчению некоторых, которые еще и теперь несут на себе

последствия какого-то чудовищного недоразумения, или, может быть, человеческой глупости и мстительности. Особенно меня интересует во всей этой истории роль Минина, которого я успел хорошо узнать, оценить и даже полюбить, несмотря на разницу наших политических мирозерцаний... Думаю ему писать письмо.

Я тебе написал с красноармейцем письмо 22–IX и, думаю, что ты его уже получила. С дороги не писал, было холодно в вагоне и неудобно. Да и писать было нелегко. Из местных сведений могу тебе сказать, что Павловск все-таки был взят (23), а Новохоперск раньше (19), и, значит, с востока вы отрезаны. Это меня беспокоит: с той стороны, как я могу переслать тебе деньги? Я писал, что буду получать в месяц две с половиной тысячи, но это еще не так точно: может быть, буду получать и больше, а именно, три с половиной тысячи в месяц.

Вот все деловое, что нужно тебе написать, и что ты пробежишь быстро-рассеянным взором... А другое, там в душе, что у тебя, где нет Калуги, политики, а пережитки семейного очага и вообще интимные переживания? Там, моя милая, спокойно и небурливо; одна дума, что ты нездорова, что ты больна и, может быть, серьезно и непоправимо, выплывает часто на поверхность духовного уровня и гнетет его покой, но тотчас же я себе говорю, что ты и сама это понимаешь, что ты мне обещала и сама решила лечиться серьезно до полного выздоровления; и когда я думаю об этом, то мне становится легче, и вновь надежды лучезарные окрыляют меня. Из других... нов чаще всего встают перед глазами мальцы – Егор в позе старающегося на картинку, Александр – махающий лапками или оба вместе живо ползающие к тебе или в разные стороны как тараканье. Приходит в голову Генюша, заметно зреющий, вдумывающийся в жизнь, подходящий по мыслям большими шагами к юноше и духовно уже слишком грустный...

Пока – в ближайшем времени – приехать к Вам будет трудно, но постараюсь прислать кого-либо за вещами и с деньгами. Где мы окончательно будем жить – еще неизвестно, но нам грозит этим Москва, – мы будем хлопотать за Смоленск.

Кажется все. Сейчас в голову идут личики старших, довольно худые и жадно смотрящие на куски хлеба... Корми их, женушка (и себя) во всю, иначе я не буду здесь иметь покоя; при моем характере мне страшно об этом даже вспомнить.

Давай, моя славная, твои глазки и губки, также всех пятерых, я вас обниму, расцелую и благословлю.

Ваш отец и муж Андрей.
Целуй Папу, Алешу, Нюню, мальчиков.
А.

От тебя еще ничего нет.

Письмо 28–X/10–XI [1918 г.]. Смоленск.

Дорогая женушка!

Позавчера прибыл Володя, пока поселился вместе со мною и значится прикомандированным к моему штабу; ему уже выдали чай и сахар, о он куда-то ходит обедать. Он мне много говорил, особенно про карапузов; про тебя говорил, что ты окрепла, и хотя по внешности высматриваешь так же, как и прежде, но стала прочнее и обмороков с тобою происходит меньше. Но про старших он говорил как-то мало, они все трое остались где-то в тени, полузабытые, затертые и отжатые с авансены парю семизубых пузырей. Хорошо, что они ко всему этому теперь привыкли и сами стали в числе зрителей и поклонников крошечной пары, но первые минуты, помнишь, как они сильно реагируют, например, как плакал Генюша, когда рядом появился его вновь испеченный братец и как он не хотел со своею кроватью перебираться из твоей спальни.

Завтра я выезжаю отсюда в Серпухов для доклада Главн[окомандую]щему, буду проезжать через Москву, но в передний путь останавливаться в ней не буду. Из Москвы думаю выслать к тебе с деньгами Лаврентия, дам ему пять пуговиц... Помни обозначение и всегда мне пиши о получении, а также сколько у тебя остается «пуговиц» или даже «крючков», если дело дойдет до каких-либо сотен. Я посылаю Лаврентия по двум причинам, первая: казаками занят Бобров, и они, вероятно, пойдут на Лиски, а это может тебя отрезать... теперь еще Лаврентий может проскочить. Вторая – в своем письме ты говоришь, что сильно проштрафилась (то есть, я понял, прожила), так как цены возросли в четыре раза. Если ты права и если раньше ты проживала до одной тысячи в месяц, то теперь, значит, прожила 4 тысячи? И у тебя сейчас деньги должны быть на исходе... Это меня очень обеспокоило, и я решил послать Лаврентия несколько раньше. Я уже много раз тебе писал, что в случае отрезания тебе лучше всего перебраться к Кае, конечно, если можно с пузырями тронуться в дорогу при теперешних морозах. Если это выйдет или ты твердо решишься попробовать, то мне об этом или напишешь, или протелеграфируешь.

Ковалевский вновь просится ко мне, упоминая в телеграмме о какой-то измене Анатолия Леонидовича... Неужели он бежал и не тем ли надо объяснять его конфузливость и какую-то растерянность во время нашей последней пятиминутной встречи. Я уверен, что он этого не сделал бы, а теперь, задетый незаслуженным арестом, пошел напролом. Ковалевский, по-видимому, всем этим очень обескуражен, и я спешу вырвать его из тяжелой для него теперь обстановки.

Володя все доставил мне исправно, и я теперь наслаждаюсь уткой, но... два фунта масла у Володи дорогой украли. И ему, и мне это страшно досадно; этих двух фунтов мне хватило бы недели на 2–3, а здесь надо платить за фунт чуть ли не сорок рублей.

У нас здесь дня два тому назад произошла перепалка: немцы зашевелились и пришлось заработать у телефонов: были отданы приказания, и все вошло в русло.

Как стали люди нервны; измучались ли они, или просто теперешние ничего не стоят, но довольно эпизода, довольно какого-либо шума, и все приходит в водоворот, а слухи, как искры при пожаре, летят во все стороны. И я ловлю себя на том, что вся эта суета не находит в моей душе никакого отклика, не потому, что «глубокие воды спокойны», а потому, что душа-то моя похожа на потускневшее зеркало... Искажать предметы оно не искажает, но дает лишь слабую их перспективу.

Сегодня прошел слух, что в Германии начался радикальный переворот, вроде нашего большевистского и начались уже чуть ли не шествия, но потом все успокоилось: или слухи не подтвердились, или оказались ложными.

29–X/11–XI.

Собираемся в путь. Ты должна будешь на одной бумаге расписаться в получении денег. Посылаю тебе старыми три пуговицы три крючка и семьдесят, да новыми одна пуговица, шесть крючков и сорок... Может быть, еще прибавлю один-два крючка, да Лаврентий оставит какой-либо пустяк из денег, которые у него находятся. Муки ему не давай, у меня есть, а дай масла да уток. Володя говорит, что они стоят у них четыре рубля штука, а ту, что ты прислала, я ем третий день, да еще она хватит дня на два... за чаем. Если найдется мед (только хороший), то пришли немножко. А больше ничего не надо, у меня все есть; конфеты же лучше оставь для детишек: я обойдусь.

Посылаю тебе свой «ландрин» (так увековечили фамилию фабриканта). Мне очень досадно, что детишкам я ничего не могу прислать – ничего нет, ничего нельзя купить. Спрашивал про марки, и меня даже не поняли: какие марки, зачем? Теперь дети в очередях стоят или за картошкой в деревни ходят, гимназии забыли, а вы о марках.

Подали твою открытку от 17–X, которая представляет собою прелестную жанровую картинку: сидят пузыри и играют, пока на них смотрит мать... Иначе один начинает пищать и

проситься на руки. Один, у которого стальные глаза, вертит глазированной кружкой, надевая ее на лапку. Входит сеструшка, поет «По небу полуночу...» и тот, у которого серые и часто грустные глазки, начинает махать ручонками... Оба говорят «мама», и говорят сознательно. А в окно крадется луч солнца (или полоса света), лижет на полу две фигурки и скользит мимоходом по бледной и утомленной матери...

Я показал письмо Володе, он прочитал два раза и засмеялся «представляя их как живых»... Ты как-то телеграфировала мне, что беспокоишься моим настроением, а в письме, что с Володей, спрашиваешь каково оно, и каковы мои мысли относительно тебя. Эти слова, моя голубка, ты повторяешь, уже не в первый раз, и я их совершенно не понимаю. Я так много с тобою говорил, так много гадал и варьировал, так разнообразно прикладывал на весы наши отношения, и тебя, и себя, что, кажется, успел высказать не только свои мысли, но и все свои фантазии и самые отдаленные предположения. Что еще я мог бы скрыть, что для тебя могло еще [быть] неясным и недоговоренным? Мне думается, что ты все что-то предполагаешь, чего-то ждешь, что я еще могу сказать на это. Я так хочу от тебя малого (как мне кажется), я хочу такого пустяка, но, очевидно, ты себе все рисуешь под каким-то иным углом – под углом ли самолюбия или ревности – кто знает. Да и всему тому, что произошло, что все собою отравило, ты не склонна придавать какое-либо значение... Ты даже не согласна с моим выражением «грызня», оно тебя шокирует. Но подумай, если ты умрешь от нервного истощения, а я что-либо с собой совершу под влиянием одной или другой сцены, нельзя же на нашем общем памятнике написать: «Они мило поговорили». А ведь у тебя так почти выходит. И твои письма – два, которые меня так заволновали – они являются словно продолжением одной из наших сцен и еще больше меня утвердили, что все тебе рисуется под каким-то иным углом... «Поговорили, мол... и только».

Сейчас я много успокоился, так как меня отвлекают страшно те огромные и грозные события, которые кругом совершаются (например, в Германии, по-видимому, повторяются Октябрьские сцены – флот выкинул Красный флаг, на фронте братаются, солдаты немецкие распродают пулеметы), но я уверен, что меня и нервирует, что на третий-четвертый день нашей встречи мы загрыземся с тобой вновь – из-за сестриной груши, из-за нежелания купаться – отравляя минуты и настроение друг друга. Но ведь это один ужас, это насмешка над всем, что святого в понятии брака, а ты... ты это понимаешь как-то иначе, для тебя это мимоходящий пассаж. Что же я могу объяснить еще? Как этому пособить? Пособить нечем, выхода нет... Оттуда моя фраза о «дотапывании» своей земной дороги как придется.

Сынков своих благодарю за письма; постараюсь им ответить как только будет время. Хорошо ли их кормишь? Через мамкиных можно все доставать и дешево; теперь, например, зимой, птицу.

Давай, золотая, глазки и губки, также пятерых, я вас обниму, расцелую и благословлю.

Ваш отец и муж Андрей.

Целуй всех.

А.

Письмо без начала, с 5 страницы. Рукой Е.А. Снесаревой написано: после 9/22–XI. (Предположительно 26 или 27 ноября 1918 года). [Смоленск, 1918 г.]

...Лаврентий к тебе не доехал, и что я в день его возврата (7/21 ноября) послал в тот же день к тебе Володю, просил его непременно мне телеграфировать о дне прибытия, и до сих пор ничего нет... На твою телеграмму от 9/22–XI, что писем нет, я тебе обо всем этом телеграфировал. С тех пор я побывал в служебной поездке – был в Великих Луках, Торопце, Витебске, с интересом наблюдал эти северные города, новые для меня пейзажи, много сделал вообще наблюдений, припомнил Таню и ее рассказы... Я путешествую в своем вагоне, ход его такой нежный, в моем купе тепло и просторно, в огромное окно приветливо смотрит

меняющийся мимо пейзаж... То сосны, то холмы, то постройки, а там – случайное озерцо. Хорошо сидеть в своем кресле, набрасывать что-либо в дневник из недавно пережитого или, подперев ладонью голову, думать и все думать... Вон мелькнула группа сосен, целая их семья, а вон поодаль стоит одинокая сосна искривленная, изломанная... У ног ее небольшой снег и скованная холодом земля... Таков и я теперь – одинокий и изломанный, и на душе моей холодно и пластом на ней лежит снег, как у ног той сосны... Три раза появлялся перед солдатами, говорил, смотрел как одеты, случайно потянулся, чтобы расстегнуть ворот и посмотреть, есть ли крест, но вспомнил, и рука опустилась. Люди те же, так же смотрят, почти что так же отвечают (хотя в первую минуту чувствуется холодок), но... другие моменты и другие идеалы.

Лаврентий пока у меня; он проныра и понял, что я не доволен, из кожи лезет вон, старается, но... душа моя не лежит к нему, и я с ним почти не разговариваю. Моя работа по Огнев[ой] Тактике временно приостановилась, хотя вновь думаю ее начать; главное, – нет никаких книг под рукою, да и дневника нет; с последним недостатком обойтись можно – помогает память, но книги заменить нечем.

Сегодня де-Лазари (один из моих помощников) выехал в Петроград, и я дал ему поручение все устроить с квартирой и библиотекой, что, надеюсь, он и сделает.

У вас казаки захватили Лиски и были под Давыдовкой, а у вас доходили почти до Петренковой, а потом у них все было отобрано назад... Как-то вы все это пережили? Может быть, у вас была слышна и артиллерийская стрельба? Если да, то мальчишки, вероятно, были в восторге, попав в настоящую войну.

Беспокоит меня только долгое отсутствие Володи, и почему так долго от тебя ничего нет. Мои дни текут одинаково, один совершенно похож на другой, а настроение ты поймешь из строк выше.

Давай, милая, твои глазки и губки и нашу пятерку, я вас обниму, расцелую и благословлю.

Ваш отец и муж Андрей.

Возможно, что рано или поздно к вам пожалует Алексей Викторович; надо быть в это время очень тактичным и осмотрительным и не показать излишней радости. Еще вопрос, будет ли он жить, и не заденутся ли другие?

Письмо или открытка А.Е. Снесарева 20/VIII [1919 г.]

Дорогая Женка!

Занят по горло. Кириллка меня очень напугал своей болезнью, и я убежал с Ходынки. Позавчера видел Ивана Яковлевича и сейчас думаю к нему поехать на вокзал. Что он привез, не знаю; получил пока твое письмо одно, а другое заложено, по его словам, глубоко. Сегодня второй день Кирочка чувствует себя хорошо. У него был гастрит и простуда, t доходила до 39°... Боюсь, что у тебя нет денег, но переслать трудно, да и мог бы сейчас не более 2 т... все еще не выдают. Занимай в долг у кого-либо, но не спеши распродавать. Я чувствую себя ничего; Кириллка хорошо, что около меня, но худо, что он кис.

Ваш отец и муж Андрей.

Поздравляю младших с годом и 10 месяцами.

Письмо А.Е. Снесарева 22/XI [1919 г.] [Москва].

Дорогой мой Женюрок!

Посылаю тебе с двумя okazиями следующее: 1) с Алекс. Алек. Муравьевым – 1 ф. соли, 9 $\frac{3}{4}$ ф. крупы и 3 $\frac{1}{4}$ ф. хлеба, а также денег 5550 руб... Наскреб денег, сколько мог; на

след. неделе, если поедет Розе, постараюсь найти еще; 2) со слушателем Михайловым: 1 ³/₄ фун. суш. овощей, 8 ¹/₂ фун. муки, 4 фун. хлеба и наше грязное белье. У меня еще осталось 10 фун. крупы, 7 фун. бел. муки и ок. 3 фун. масла. У меня несколько наладились пути для получения продуктов, но в микроскопической дозе. Не забывай, детка, мысль о возможности вашего сюда переезда, так как насчет муки мною кое-что намечается (правда, в проекте), насчет молока тоже... Словом, ломаю голову, чтобы вас перетянуть... Конечно, на случай, если в Смоленске станет очень тяжело... Сейчас тяга из Москвы наблюдается, так как зимы побаиваются, а она, кстати выпала ранняя и суровая. Кроме перечисленного, у меня есть 5 вилок капусты и фун. 5 сухарей...

Мы с сыном живем ладно, занятия понемногу идут, хотя изредка приходится поворчать на старшенького... но среди поцелуев. Он тебе пишет исправно; по кр. мере, в прошлый вторник написал. Из слушателей едут в Смоленск за добычей продуктов Шека (ты его знаешь... огромный мальй), Михайлов и еще кто-то. Первые два к тебе зайдут, и ты можешь их использовать для добычи пропитания; оба они обещали мне сказать тебе...

[Приписка карандашом:] В Академии и у нас пока холодно, но наладится. Сегодня один слушатель направился разузнать о нашем сервисе.

Генюша учится сносно, но с языком у нас ничего не вышло... Чтобы попасть в Академию, надо пересечь двор; далеко, и боюсь, Генюша может застудиться....

[Окончание утрачено.]

Письмо А.Е. Снесарева 8/X [1920?] 17 час.

Дорогая Женюрка!

Письмо это подаст Зиновия Юльевна. Прожили без тебя день. Вчера вернулся домой в 10 ¹/₄ (спешил), но дети уже спали: дочка с Юркой, а Кирилл с Сюзей... Трогательно было смотреть на эту картину. (Я привел Серг. Георг. и Алекс. Алек.). На столе стояла тарелка с рыбой, двумя кусками намавленной белой булки... для меня. Кирилка все боялся, что мне нескоро отопрут. Я взял себе Ирочку, и мы благополучно переночевали. Утром стал тебя звать Сюзька... потом успокоились... К обеду пришла Вильгельмина Ивановна... дети гуляли. Все было вичищено. Алек. и Иван. Курица гуляла. Одну клочку [квочку?] вынесли на двор... Сейчас иду домой.

Крепко обнимаю и целую.

Твой Андрей.

[Примечания рукой Е.А. Снесаревой:

- 1) Зиновия Юльевна – библиотекарь в Акад. Генер. Штаба. Позднее жена слуш. Федора Павловича Никонова.
- 2) Сергей Георгиевич Лукирский – профессор Академии Генер штаба
- 3) Алекс. Алек. Муравьев – предположительно, сотрудник Академии
- 4) Вильгельмина Ивановна – машинистка в Акад. Генер. штаба.]

Письма А.Е. Снесарева к сыновьям.

Письмо 30 марта 1916 г.

Дорогой мой Генюша!

Получил твою открытку с баллами. Спасибо. У тебя, вижу, дело пошло на лад. Надо бы тебе улучшить прилежание и внимание, да по Географии получить больше тройки. У нас сегодня очень интересно обстреливали австрийский аэроплан: выпустили по нем более 40 снарядов. Все небо было покрыто белыми точками. В конце концов кто-то в него попал, и он стал быстро опускаться на землю. Мы закричали «ура». Кажется, спустился аэроплан у своих. Сегодня много-много пролетало мимо нас аистов. Какой-то глупый дал по ним выстрел, они жалобно прокричали, поднялись выше и улетели от нас. Ужок стал очень большой и красивый; когда расшалится, то ведет себя нехорошо – пугает, но это случается нечасто. Когда побежит вскачь, то обгоняет и мать, и Героя. А чрез препятствия – лентяй – идти не хочет. У нас тепло, зеленеет всюду трава, и деревья начинают покрываться листвою. Целуй Киру, Кису и Таню, а также поцелуй дедушку и бабушку.

Обнимаю, благословляю и целую тебя.

Твой папа.

Открытка 19 февраля 1917 г.

[Адрес:]
Гене Снесареву
Петроград
Ординарная, 11.
Квар.3.

[Штемпель:]
Полев. почта
20.2.17

Дорогой мой Генюрок!

Получил от тебя два интересных письма, и все никак не мог тебе ответить. Все ходил по окопам да смотрел, как живет и что делает наш противник. Когда он нас замечает, начинает стрелять, и мы переходим из этого места шагов на 300 и смотрим, как он долбит в одну и ту же точку. У меня карточек пока нет никаких, будут, пришлю. Вы живете, судя по твоим письмам, весело. Целуй маму, Ею и Кириллку. Обнимаю тебя, моего сына, и благословляю.

Твй папа.

Письмо 31 марта 1917 г.

[Адрес:]
Петроград
Ординарная, 11.
Квар.3.
Гене Снесареву

Дорогой Геня, спасибо за большое и очень интересное письмо. Оно – а особенно твой план – ясно нарисовало мне картину того, что у вас происходило. Я надеюсь, что теперь у вас все спокойно. Вчера я был у летчиков, и при мне один из них прогнал немца, а потом к нам спустился; это было очень красиво: он делал круги, перегибался то на одно, то на другое крыло... Совершенно, как птица.

Я тебя просил написать, как ты ведешь себя и не обижаешь ли маму. Димитрий говорит, что обижаешь, и она плачет. Грешно, детка! Надо взять себя в руки, надо понять, что

мама тебе только добра желает, более, чем все твои товарищи вместе взятые. Я охотно тебе вышлю и марки, и карточки, но только чтобы ты вел себя хорошо. Из моих снимков с летчиками возьми себе один, какой даст мама.

Целую тебя, обнимаю и благословляю.
Твой папа.

[Приписка рукой Евгении Андреевны: Без штемпеля. По-видимому, прислано с Устиновым, стр.335. Он же повезет в Острогжск.]

Письмо 31 марта 1917 г.

Дорогой мой Кириленок.

Спасибо за милое и красиво написанное письмо. Когда Геня обижает маму, ты старайся её успокоить, чтобы она много не плакала. Из моих снимков возьми один, какой укажет мама. Наш жеребенок – большой безобразник: прыгает, пукает, становится на задние ноги, кусается. Мы его назовем Революционером, так как он родился в революцию. Когда будете ехать к тете Ане, то сидите смирно и никуда не отлучайтесь, иначе вас в суматохе можно будет потерять. А когда будете у тети, пишите мне чаще.

Целую моего беленького мальчика, обнимаю и благословляю.
Твой папа.

Письмо 5 августа 1917 г.

Дармня.

[Адрес:]

Гене Снесареву
Гор. Острогжск
Воронежской губернии
Богоявленская ул. Дом 34.

[Штемпель:]
Полевая почта конт. № 11
13.10.17.

Дорогой Генюша!

Благодарю за письмо и за поздравление с Георгием. Ты напрасно, мой милый, много волнуешься. В Петроград сейчас ехать нельзя: и мамино здоровье этого не позволяет, да из Петрограда все равно многих выселяют, так как там жить трудно. Ты знаешь, теперь такое время, что надо радоваться каждому углу, который ты получишь. Если в Петрограде станет спокойно, всегда тебя можно будет перевести в твою гимназию. Тебе, как большому, надо понимать теперь многое и заботиться не только о себе, но и о маме, а также о младших. Помнишь, как ты хорошо играл с Еичкой! Если мама спросит твоего мнения, ты должен подумать хорошенько и высказаться. Это поможет маме.

Относительно Тоника и Мити дело не такое трудное, чтобы ты – умный мальчик – с ним не справился. Будь здоров и весел.

Крепко тебя целую и благословляю.
Твой папа.

Письмо 7 октября 1917 г.

Дармня.

[Адрес:]

Гене Снесареву
Гор. Острогжск
Воронежской губернии

[Штемпель:]
Полевая почта конт
9.10.17

Богоявленская ул. Дом 34.

Дорогой мой Генюша!

Получил твою открытку от 24 сентября; благодарю за поздравление. Мама пишет, что с Острогужском ты примирился и уроки готовишь внимательно. Я очень рад. Посылаю тебе три карточки; я был на полковом празднике, где меня и сняли. Ты можешь более интересную оставить себе, а остальные отдать Кирилке и Ейке.

Недавно мы отбыли сильную немецкую атаку и подобрали много винтовок, касок и т.п. Я думал было вам послать, да каски – дрянь, порванные. Я только что катался верхом на своей кобыле «Греции». Она очень хорошо идет рысью и галопом, только слишком домой тянула. Целуй маму, дядю с тетей, сестру, братьев и остальных. Скажи Кириллочке, чтобы он написал мне. Еще раз тебя, моего славного мальчика, благодарю за письмо.

Обнимаю тебя, целую и благословляю.

Твой папа.

Открытка 9 октября 1917 г.

Дармия.

Кириллочке Снесареву:]
Гор. Острогужск
Воронежской губернии
Богоявленская ул. Дом 34.

[Штемпель:]
Полевая почта конт.
10.10.17.

Мой милый Кирилленок.

Ты мне перестал писать. Чем это ты так занят? Напиши, что подделываешь, что у вас нового, как здоровье мамы? Она мне писала, что ты учишься хорошо, постоянно говоришь с ней по-французски. Это хорошо, я рад. Есть у меня для тебя немецкая каска, да больно плохая.

Целуй маму и всех. Обнимаю, целую и благословляю тебя.

Твой папа.

Открытка 24/IX [1919 г.] Москва.

Адрес:
В гор. Смоленск
Почтамтская улица
Дом Шварца, № 6.
Генюше Снесареву

[Штемпель]
Москва
6.10.19

Дорогой мой Генюрок!

Поздравляю тебя с днем рождения. Я тебе написал большое письмо, но оно может не поспеть. Желая тебе здоровья, успеха и бодрости. Найди время и напиши мне, как ты себя чувствуешь. Целуй маму, братьев и сестру.

Обнимаю и благословляю тебя. Твой папа.

Открытка 29 декабря /11 января 18/19. г. Смоленск.

Адрес:

[Штемпель]

Гене Снесареву
Г. Острогжск
Воронежской губернии
Богоявленская улица. Дом. 34.

Смоленск
13.11.19

Дорогой мой мальчик!

Вчера получил твою первую открытку за № 27 от 14 декабря с/с. Большое тебе спасибо. Твое обстоятельное письмо совершенно меня успокоило и все сделало мне ясным. Конечно, быть бой-скаутом дело хорошее, и ты своей мысли не забывай. Как здоровье мамы? Ты об этом не упоминаешь. В течение двух месяцев я писал и телеграфировал часто. Но все это до вас не доходило. Целуй маму, сестру, братьев... Я жив и здоров. По вас скучаю. Целую и благословляю тебя.

Твой папа.

Письма близких А.Е. Снесарева.

Открытка Гени № 27. 14 декабря 1918 г. с/с.

Адрес: Гор. Смоленск.
Начальнику западного фронта
Андрею Евгеньевичу Снесареву.

[Штемпель]
Смоленск
9.1.19.

Дорогой мой папа!

Егор уже ходит. Шуран стоит. Завтра меня, наверно, опять вызовут по-немецки. Дома все благополучно. Я хочу быть бой-скаутом. Как ты об этом думаешь? Почему ты все время писал, что я тебе не пишу? Я тебе все время писал, пишу и буду писать. От тебя вот уже два месяца как нет писем. Мы об тебе волнуемся. Нас, наверно, распустят 22 декабря с/с. Рождество будут праздновать по-старому. У нас не хватает сахара. Кисюка умеет уже читать. Кирилл хорошо занимается, да и я недурно. У нас в классе более трех четвертей занимаются плохо.

Все тебя целуют. Твой Геня.

[Штемпель]
Острогжск
31.12.18

**Открытка Е.В. Снесаревой.
10 января [1919 г.]/28 декабря [1918 г.]**

Адрес:
Андрею Евгеньевичу Снесареву
Смоленск
Пятницкая ул. 5, кв. Пастуховой.

[Штемпель]
Смоленск
23.1.19.

[Штемпель]
Острогжск
13.1.19.

Дорогой мой родной!

Сегодня я получила от тебя телеграмму от 2 января и сейчас же пошла тебе ответить. «Получила телеграмму 2. Володя задержан. 3500 получила остальные выдадут. Алеша умер. Ждем тебя. Здоровы. Целуем». Почта опять у нас не ходит. На днях проскользнуло твое письмо от 23 октября. Когда-то дойдут до меня твои остальные дорогие строки. Соскучилась

я по тебе страшно и начинаю подумывать, не перебраться ли мне со всей пятеркой к тебе, так как боюсь, что весной здесь разовьются ужасные болезни. Если бы ты приехал, то [мы] бы с тобой все обсудили. Погода у нас холодная, но ребята гуляют.

Крепко, крепко целую и благословляю.

Твоя Ж.

Письмо Е.В. Снесаревой 18 июля [1919 г.]

Адрес на конверте:
Ольге Александровне Зайцовой
Смоленск
Почтамтская, 6
Кв. Снесаревых

[Штемпель]
9.VIII.19

Дорогая моя мамочка!

Вот мы и благополучно добрались до Андрюши. С вокзала звонила целый час до Андрюши, но не дозвонилась, втолкнулись в трамвай и отправились в Академию. Доехали до Страстного бульвара и пошли на Воздвиженку. Там Андрюшу не застали; сказали, что послали за ним автомобиль. Мы пошли к телефону и только в 1 ½ дозвонились. Он был страшно удивлен. Распорядился нас сейчас же доставить, но за неимением автомобиля, мне предложили мотоциклетку, куда мы с Кириллкой и уселись. Долетели, по всей вероятности, минут в 20-25 до Ходынки. Андрюша живет в лесу во флигельке офицерском (прежнее Алекс. училище). 4 комнатки = все вместе моей спальне. Обстановка: кровать, стол, стул, умывальник и на окне одеяло в спальне; в кабинете стол и телефон и в другом кабинете-гостиной стол и два стула. У человека кровать и стол. На кухне: чужой нож, чужая вилка, три судка, три оловянных тарелки, ложка и два чайника. Обед приносят почти холодный. Вчера вечером съездили еще за вещами, погуляли с Кириллкой, посмотрели на аэропланы и, вернувшись домой, стала готовить ужин: картофель и яичницу с хлебом и картофелем. Сегодня сготовила щи, картофель и кофе, к вечеру кашу. Страшно досадно, что забыла лавровый лист и морковку. Завтра поеду на базар, посмотрю, что найду.

Мамуля, пришли с Алибековым муки, зелени немного, капусты (здесь фунт 16-18 руб.), старые брюки и тепл[ую] суконн[ую] рубашку защ[итного] цвета, половичок (у Алекс. Мих.), Кире чулки черные и обязательно еще масла. Это было чудное масло. Можно творогу и сметаны. Все, что уложите в корзинку, что привез Андрюша. Если мука вся не уместится, то хотя бы пять фунтов. Как себя чувствуют малышки? Скучают без меня или нет? Погода здесь стоит прохладная; дождик перепадает все время. Довольно сыро, но роскошно. Кругом лес сосновый и березовый. Я мечтаю мальчишек привезти хоть дня на четыре сюда, забравши вдоволь провизии. Как идет служба Гени, была ли дочка в соборе? Если вам надоедают с комнатой, то пусть Геня сходит к Ив. Яковл. И от имени папы попросит защиты и содействия; переехал ли Володя? Как самочувствие Гани и Сани? Я теперь живу в 12 верстах от города. Кругом нет ничего, негде даже ягод купить. На вокзале вчера купила 10 огурц[ов] за 12 руб. Будь бы кадушка, можно было бы насолить хоть немного. Как твое здоровье, родная? Как ты себя чувствуешь, как спишь? Просился ли Шурик ко мне на кровать?

Крепко целую Вас всех и благословляю

Ваша дочь и мать.

[Снизу приписка карандашом, рукой Ольги Александровны:
получено 25 июля в 12 дня.]

Письмо В.Н. Зайцева 27/VII-19 г.

Адрес:
Г. Смоленск
Почтамтская ул., д. 6 Шварца.
Кв. Снесарева.
Ольге Александровне Зайцовой.

[Штемпель]
Могилев
27.7.19

Дорогая, милая Оля!

Возвратился с вокзала к 12 час. Выпил 2 стак[ана] чаю и лег спать.

День соломенного вдовца 26 июля.

Встал в 8 час., вычистил сапоги, вымел комнату, закусил селедкой с огурцом и луком и пошел на службу. В 4 часа вооружился посудой за обедом, но его опять не варили. Вернувшись домой, вымыл стакан пшена, подготовил кофейник и к 5 час. в яслях все сварил в 45 минут, проведенных в костельном садике, где собрал щепок, любовался зеленью ясного дня после дождя и нашел хороший сорт крапивы для будущего варева. После обеда, чтобы не ложиться спать, сложил пасьянс, а затем до 10 час. вечера под звуки садовой музыки разбил и просеял всю муку, которой оказалось 12 ф. К 11 ч. закусил селедкой с редькой, выпил 3 ст. чаю и, не зажигая свечи, лег спать.

Сегодня встал в 7 час. утра и увидел, что вся комната покрыта мучной пылью. Прибравшись, вскипятил кофе, закусил селедкой с огурцом и иду на службу. Пока есть прекрасный хлеб с маслом, обхожусь без молока.

Целую тебя, родную Женюру и внуков.
Любящий вас Отец.

[Обратный адрес:]
Могилев. Штаб XVI Армии
через дежурного по Оперативному
состоящему для поручений при Командарме
В.Н. Зайцову.

Письмо В.Н. Зайцева 8/VIII–19.

[Адрес:]
Г. Смоленск
Почтамтская улица
Д. № 6 Шварца, кв. Снесарева.
Ольге Александровне Зайцовой

Дорогая Олюша!

Официального разрешения на продукты из огорода не добился. Цены на базаре продолжают подниматься: масло 190–200 р., сало – 200, молоко – 16 р., огурцы – 20 р. дес., яйца 90 р. Сегодня надо было встать в 8 ч. утра, чтобы исполнить твое поручение с начальн[иком] радиотелегр[афной] станции Дмитриевским, а вследствие ненастной погоды – встал в 10 и теперь не успею до службы сбегать на базар или огороды и дотащить покупку до квартиры едущего. В нервной торопливости уронил часы и они встали, разбил пенсне. Куплю и передам, что успею.

Доктора в комиссии нашли, что я одержим миокардитом и артериосклерозом в значительной степени развития, расширение границ сердца влево и вправо, а также сверху на полпоперечника пальца, слабость тонов, замедленный и аритмичный пульс, напряженность венозных стволов, извилистость и уплотнение стенки артерии.

Самочувствие среднее. Иногда вечерними часами грызет одиночество, но сознание, что есть близкий друг, который в это время, хотя не со мной, но обо мне думает, [прогоняет?] грусть. Поцелуй Геню и Ньюру, привет всем. Как ведут себя малыши?

Твой.

Получила ли одно письмо почтой?

Быть может, можешь собраться ко мне с Алексеем Николаевичем Димитревским?

Письмо Киры 20/VIII [1919 г.] [Москва]

Дорогая мамочка, пишу на другой [день] после того, как мы с папой [приехали] в Москву. Живем на самом верху академии, в той комнате, где раньше жил Никитин. Устроились очень хорошо, имеем две кровати, три столика, два мягких стула и два простых стула, три ковра, шкафчик, полочку, тумбочку, картину, шторы и электричество. Водопровод тоже есть. Чай пьем у соквартирантки. Живя на Ходынке, я заболел местной болезнью и пришлось лечь в постель. Лег я в пятницу 15, а встал во вторник 19. Теперь я жив с папой и здоров, чего и вам желаю.

Кира.